

Александр Грин

**Повесть, оконченная
благодаря пуле**

Александр Грин

**Повесть, оконченная
благодаря пуле**

«Public Domain»

1914

Грин А. С.

Повесть, оконченная благодаря пуле / А. С. Грин — «Public Domain», 1914

«Коломб, сев за работу после завтрака, наткнулся к вечеру на столь сильное и сложное препятствие, что, промучившись около часу, счел себя неспособным решить предстоящую задачу в тот же день. Он приписал бессилие своего воображения усталости, вышел, посмеялся в театре, поужинал в клубе и заснул дома в два часа ночи, приказав разбудить себя не позже восьми. Свежая голова хорошо работает. Он не подозревал, чем будет побеждено препятствие; он не усвоил еще всей силы и глубины этого порождения творческой психологии, надеясь одержать победу усилием художественной логики, даже простого размышления. Но здесь требовалось резкое напряжение чувств, подобных чувствам изображаемого лица, уподобление; Коломб еще не сознавал этого...»

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13

Александр Грин

Повесть, оконченная благодаря пуле

1

Коломб, сев за работу после завтрака, наткнулся к вечеру на столь сильное и сложное препятствие, что, промучившись около часу, счел себя неспособным решить предстоящую задачу в тот же день. Он приписал бессилие своего воображения усталости, вышел, посмеялся в театре, поужинал в клубе и заснул дома в два часа ночи, приказав разбудить себя не позже восьми. Свежая голова хорошо работает. Он не подозревал, чем будет побеждено препятствие; он не усвоил еще всей силы и глубины этого порождения творческой психологии, надеясь одержать победу усилием художественной логики, даже простого размышления. Но здесь требовалось резкое напряжение чувств, подобных чувствам изображаемого лица, уподобление; Коломб еще не сознавал этого.

В чем же заключалось препятствие? Коломб писал повесть, взяв центром ее стремительное перерождение женской души. Анархист и его возлюбленная замыслили «пропаганду фактом». В день карнавала снаряжают они повозку, убранную цветами и лентами, и, одетые в пестрые праздничные костюмы, едут к городской площади, в самую гущу толпы. Здесь, после неожиданной, среди веселого гула, короткой и страстной речи, они бросают снаряд, – месть толпе, – казня ее за преступное развлечение, и гибнут сами. Злодейское самоубийство их преследует двойную цель; напоминание об идеалах анархии и протест буржуазному обществу. Так собираются они поступить. Но таинственные законы духа, наперекор решимости, убеждениям и мировоззрению, приводят героиню рассказа к спасительному в последний момент отступлению перед задуманным. За то время, пока карнавальный экипаж их движется в ряду других, среди восклицаний, смеха, музыки и шумного оживления улиц к роковой площади, в душе женщины происходит переворот. Похитив снаряд, она прячет его в безопасное для жизни людей место и становится из разрушительницы – человеком толпы, бросив возлюбленного, чтобы жить обыкновенной, просто, но, по существу, глубоко человеческой жизнью людских потоков, со всеми их правдами и неправдами, падениями и очищениями, слезами и смехом.

Коломб искал причин этой благодетельной душевной катастрофы, он сам не принимал на веру разных «вдруг» и «наконец», коими писатели часто отделяются в трудных местах своих книг. Если в течение трех-четырех часов взрослый, пламенно убежденный человек отвергает прошлое и начинает жить снова – это совсем «вдруг», хотя был срок по времени малый. Ради собственного удовлетворения, а не читательского только, требовал он ясной динамики изображенного человеческого духа и был в этом отношении требователен чрезмерно. И вот, с вечера пятого дня работы, стал он, как сказано, в тупик перед немалой задачей: понять то, что еще не создано, создать самым процессом, понимания причины внутреннего переворота женщины, по имени Фай.

Слуга принес кофе и зажег газ. Уличная тьма редела; Коломб встал. Он любил свою повесть и радовался тишине еще малолюдных улиц, полезной работе ума. Он выкурил несколько крепких папирос одну за другой, прихлебывая кофе. Тетрадь с повестью лежала перед ним. Просматривая ее, он задумался над очередной белой страницей.

Он стал писать, зачеркивать, вырывать листки, курить, прохаживаться, с головой, полной всевозможных предположений относительно героини, представив ее красавицей, он размышлял, не будет ли уместным показать пробуждение в ней долго подавляемых инстинктов женской молодости. Веселый гром карнавала не мог ли встряхнуть сектантку, привлечь ее, как женщину, к соблазнам поклонения, успехов, любви? Но это плохо вязалось с ее характером,

сосредоточенным и глубоким. К тому же подобное рассеянное, игривое настроение немислимо в ожидании смерти.

Опять нужно было усиленно курить, метаться по кабинету, тереть лоб и мучиться. Рассветло; табачный дым, наполнявший кабинет, сгустился и стал из голубоватого серым. Окурки, заполнив все пепельницы, раскинулись по ковру. Коломб обратился к естественным чувствам жалости и страха пред отвратительным злодеянием; это было вполне возможно, но от сострадания к полному, по убеждению, разрыву с прошлым – совсем не так близко. Кроме того, эта версия не соответствовала художественному плану Коломба – она лишала повесть значительности крупного события, делая ее достаточно тенденциозной и в дурном тоне. Мотивы поведения Фай должны были появиться в блеске органически свойственной каждому некоей внутренней трагедии, приобретая этим общее, не зависимое от данного положения, значение; сюжет повести служил, главным образом, лишь одной из форм вечного драматического момента. Какого? Коломб нашел этот вопрос очень трудным. Временная духовная слепота поразила его, – обычное следствие плохо продуманной сложной темы.

Бесплодно комбинируя на разные лады два вышеописанные и отвергаемые им самим состояния души, прибавил он к ним еще третье: животный страх смерти. Это подало ему некоторую, быстро растаявшую, надежду, – растаявшую очень быстро, так как она унижала в его глазах глубокий, незаурядный характер. Он гневно швырнул перо. Тяжелая обессилевшая голова отказалась от дальнейшего изнурительного одностороннего напряжения.

– Как, уже вечер? – сказал он, смотря в потемневшее окно и не слыша шагов сзади.

– Удивительно, – возразил посетитель, – как вы обратили на это внимание, да еще вслух. Именно – вечер. Но я задыхаюсь в этом дыму. Сквозь такую завесу затруднительно определить ночь, утро, вечер или день на дворе.

– Да, – радуясь невольному перерыву, обернулся Коломб, – а я еще не ел ничего, я переваривал этот проклятый сюжет. – Он отшвырнул тетрадь и поставил на место, где она лежала, корзинку с папиросами. – Ну, как вы живете, Брауль? А? Счастливый вы человек, Брауль.

– Чем? – сказал Брауль.

– Вам не нужно искать сюжетов и тем, вы черпаете их везде, где захотите, особенно теперь, в год войны.

– Я корреспондент, вы – романист, – сказал Брауль, – меня читают полчаса и забывают, вас читают днями, вспоминают и перечитывают.

– А все-таки.

– Если вы завидуете скромному корреспонденту, мэтр Коломб, – поедemте со мной на передовые позиции.

– Вот что! – воскликнул Коломб, пристально смотря в деловые глаза Брауля. – Странно, что я еще не думал об этом.

– Зато думали другие. Я к вам явился сейчас с формальным предложением от журнала «Театр жизни». От вас не требуется ничего, кроме вашего имени и таланта. Журнал просит не специальных статей, а личных впечатлений писателя.

Коломб размышлял. «Может быть, если я временно оставлю свою повесть в покое, она отстоится в глупой моей голове». Предложение Брауля нравилось ему резкой новизной положения, открывающего мир неизведанных впечатлений. Трагическая обстановка войны развернулась перед его глазами; но и тут, в мысленном представлении знамен, пушек, атак и выстрелов, носился неодолимый, повелительно приковывая внимание, загадочный образ Фай, ставшей своеобразной болезнью. Коломб ясно видел лицо этой женщины, невидимой Браулю. «Ничто не мешает мне наконец думать в любом месте о своей повести и этой негодяйке, – решил Коломб. – Разумеется, я поеду, это нужно мне как человеку и как писателю».

– Ну, еду, – сказал он. – Я, правда, не баталист, но, может быть, сумею принести пользу. Во всяком случае, я буду стараться. А вы?

- Меня просили сопровождать вас.
- Тогда совсем хорошо. Когда?
- Я думаю, завтра в три часа дня. Ах, господин Коломб, эта поездка даст вам гибель подлинного интересного материала!
- Конечно. – «Что думала она, глядя на веселую толпу?» – Тьфу, отвяжись! – вслух рассердился Коломб. – Это сводит меня с ума!
- Как? – встрепенулся Брауль.
- Вы ее не знаете, – насмешливо и озабоченно пояснил Коломб. – Я думал сейчас об одной моей знакомой, особе весьма странного поведения.

2

Двухчасовой путь до Л. ничем не отличался от обыкновенного пути в вагоне, не считая двух-трех пассажиров, пораженных событиями до полной неспособности говорить о чем-либо, кроме войны. Брауль поддерживал такие разговоры до последней возможности, ловя в них те мелкие подробности настроений, которые считал характерными для эпохи. Коломб рассеянно молчал или произносил заурядные реплики. Нервное возбуждение, вызванное в нем быстрым переходом от кабинетной замкнутости к случайностям походной жизни, затихло. Вчера и сегодня утром он охотно, с гордостью думал о предстоящих ему – вверенных его изображению – днях войны, его героях, быте, жертвах и потрясениях, но к вечеру ожидания эти потеряли остроту, уступив тоскливому, неотвязному беспокойству о неоконченной повести. С топчущейся на месте мыслью о героине сел он в вагон, пытаясь временами, бессознательно для себя, сосредоточиться на тумане темы среди дорожной обстановки, станционных звонков, гула рельс и окон, струящихся быстро мелькающими окрестностями.

От Л. путь стал иным. Поезд миновал здесь ту естественную границу, позади которой войну можно еще представлять, иметь дело с ней только мысленно. За этой чертой, впереди, приметы войны являлись видимой действительностью. У мостов стояли солдаты. На вокзале в Л. расположился большой пехотный отряд, лица солдат были тверды и сумрачны. Вагоны опустели, пассажиры мирной наружности исчезли; зато время от времени появлялись офицеры, одиночные солдаты с сумками, какие-то чиновники в полувоенной форме. В купе, где сидел Коломб, вошел кавалерист, сел и уснул сразу, без зевоты и промедления. В сумерках окна Брауль заметил змеевидные насыпи и показал Коломбу на них; то были брошенные окопы. Иногда сломанное колесо, дышло, разбитый снарядный ящик или труп лошади с неуклюже приподнятыми ногами безмолвно свидетельствовали о битвах.

Брауль вынул часы. Было около восьми. К девяти поезд должен был одолеть последний перегон и возвращаться назад, так как конечный пункт его следования лежал в самом тылу армии. Коломб погрузился в музыку рельс. Рой смутных ощущений, неясных, как стаи ночных птиц, проносился в его душе. Брауль, достав записную книжку, что-то отмечал в ней, короткими, бисерными строчками. На полустанке вошел кондуктор.

– Поезд не идет дальше, – сказал он как бы вскользь, что произвело еще большее действие на Коломба и Брауля. – Да, не идет, путь испорчен.

Он хлопнул дверью, и тотчас же фонарь его мелькнул за окном, направляясь к другим вагонам.

Рассеянное, мечтательное настроение Коломба оборвалось. Брауль вопросительно глядел на него, сжав губы.

– Что ж! – сказал он. – Как это ни неприятно, но вспомним, что мы корреспонденты, Коломб; нам придется еще с очень многим считаться в этом же роде.

– Пойдемте на станцию, – сказал Коломб. – Там выясним что-нибудь.

Кавалерист проснулся, как и уснул, – сразу. Узнав, в чем дело, он долго и основательно ругал пруссаков, затем, переварив положение, стал жаловаться, что у него нет под рукой лошади, его «Прекрасной Мари», а то он отмахнул бы остаток дороги шутя. Кто теперь ездит на великолепной гнедой Мари? Это ему, к сожалению, неизвестно; он едет из лазарета, где пролежал раненный шесть недель. Может быть, Мари уже убита. Тогда пусть берегутся все первые попавшиеся немцы! У кавалериста было грубоватое, правильное лицо с острыми и наивными глазами. В конце концов, он предложил путешественникам отправиться вместе.

– Я тут все деревни кругом знаю, – сказал он. – За деньги дадут повозку.

– Это нам на руку, – согласился Брауль. – А пешком много идти?

– Нет. На Гарнаш или Пом? – Солдат задумчиво поковырял в ухе. – Пойдем на Гарнаш, оттуда дорога лучше.

Бойкий вид и авторитетность кавалериста уничтожили, в значительной мере, неприятность кондукторского заявления. Солдат, Брауль и Коломб вышли на станцию. Здесь собралось несколько офицеров, решивших заночевать тут, так как на расспросы их относительно исправления пути не было дано толковых ответов. Начальник полустанка выразил мнение, что дело вовсе не в пути, а в немцах, но – что, почему и как? – сам не знал. Брауль, подойдя к офицерам, выпросил их кой о чем. Они направлялись совсем в иную сторону, чем корреспонденты, и присоединиться к ним не было оснований. Пока Брауль беседовал об этом с Коломбом, неугомонный, оказавшийся весьма хлопотливым парнем, кавалерист дергал их за полы плащей, подмигивал, кряхтел и топтался от нетерпения. Наконец, решив окончательно следовать за своим случайным проводником, путешественники вышли из унылого, пропахшего грязью и керосином станционного помещения, держа в руках саквояжи, по счастью, необъемистые и легкие, с самым необходимым.

Тьма, пронизанная редким, сырым туманом, еле-еле показывала дорогу, извивающуюся среди голых холмов. Брауль и Коломб привели в действие электрические фонари; неровные световые пятна, сильно освещая руку, падали в дорожные колеи мутными, колеблющимися конусами. Коломб шел за световым пятном фонаря, опустив голову. Бесполезно было осматриваться вокруг, глаза бессильно упирались в мрак, скрывший окрестности. Звезд не было. Кавалерист шагал немного впереди Брауля, помогавшего ему своим фонарем; Коломб следовал позади.

Пока солдат, определив Брауля, как более общительного и подходящего себе спутника, бесконечно рассказывал ему о боевых днях, делая по временам, видимо, приятные ему отступления к воспоминаниям личных семейных дел, в которых, как мог уяснить Коломб, главную роль играли жена солдата и наследственный пай в мельничном предприятии, – сам Коломб не без удовольствия ощутил наплыв старых мыслей о повести. Без всякого участия воли они преследовали его и здесь, на темной захолустной дороге. То были те же много раз рассмотренные и отвергнутые сплетения воображенных чувств, но теперь, благодаря известной оригинальности положения самого романиста, резкому ночному воздуху, мраку и движению, получили они некую обманную свежесть и новизну. Пристально анализируя их, Коломб скоро убедился в самообмане. С этого момента существо его раздвоилось: одно «я» поверхностно, в состоянии рассеянного сознания, воспринимало действительность, другое, ничем не выражающее себя внешне, еще мало изученное «я» – заставляло в ровном, бессознательном усилии решать загадку души Фай, женщины столь же реальной теперь для Коломба, как разговор идущих впереди спутников.

Решив (в чем ошибался), что достаточно приказать себе бросить неподходящую к месту и времени работу мысли, как уже вернется непосредственность ощущений, – Коломб тряхнул головой и нагнал Брауля.

– Вы не устали? – спросил он снисходительным тоном новичка, ретиво берущегося за дело. – Что же касается меня, то я, кажется, годен к походной жизни. Мои ноги не жалуются.

– Теперь недалеко, – сообщил кавалерист. – Скоро придем. Ходить трудно, – прибавил он, помолчав. – Я раз ехал, вижу, солдат сидит. Чего бы ему сидеть? А у него ноги не действуют; их батальон тридцать миль ночью сделал. И так бывает – человек идет – вдруг упал. Это был обморок, от слабого сердца.

Коломб был хорошего мнения о своем сердце, но почему-то не сказал этого. С холма, на вершину которого они поднялись, виднелся тусклый огонь, столь маленький и слабый благодаря туману, что его можно было принять за обман напряженного зрения.

– Вот и Гарнаш. – Кавалерист обернулся. – Вы думаете, это далеко? Сто шагов; туман обманчив.

Подтверждая его слова, мрак разразился злобным собачьим лаем.

– Что чувствует человек в бою? – спросил солдата Коломб. – Вот вы, например?

– Ах вот что? – Кавалерист помолчал. – То есть страшно или не страшно?..

– В этом роде.

– Видите, привыкаешь. Не столько, знаете, страшно, сколько трудно. Трудная это *работа*.

Однако, черт возьми! – Он остановился и топнул ногой. – Ведь это *наша* земля?! Так о чем и говорить?

Считая, по-видимому, эти слова вполне исчерпывающими вопросом, солдат направился в обход изгороди. За ней тянулась улица; кое-где светились окна.

3

Не менее часа потратили путешественники на обход домов, разговоры и торг, пока удалось им отыскать поместительную повозку, свободную лошадь и свободного же ее хозяина. Человек этот, по имени Гильом, был ярмарочным торговцем и знал местность отлично. Он рассчитывал к утру вернуться обратно, отвезя путников в арьергард армии. Хорошая плата сделала его проворным. Коломб, сидя в темноте у ворот, не успел докурить вторую папиросу, как повозка была готова. Разместив вещи, путешественники уселись, толкая друг друга коленями, и Гильом, стегнув лошадь, выехал из деревни.

– Поговаривают, – сказал он, пустив лошадь рысью, – что пруссаки показываются милях в десяти отсюда. Только их никто не видел.

– Разъезды везде заходят, – согласился кавалерист. – Ты бы, дядя Гильом, придерживался, на всякий случай, открытых мест.

– Лесная дорога короче. – Гильом помолчал. – Я даже днем не расстанусь с револьвером.

– Вот вам, – сказал Брауль Коломбу, – разговор, освежающий нервы. В таких случаях я всегда нащупываю свой револьвер, это еще больше располагает к приключениям.

– Я не прочь встретить немца, – заявил Коломб. – Это было бы хорошим экзаменом.

– Если вам захочется побывать на передовых позициях, вы увидите очень много немцев. Однако это все пустяки.

– Лесная дорога короче, – снова пробормотал Гильом.

– А, милый, поезжайте, как знаете, – сказал Брауль. – Нас четверо; вы – травленая собака, я могу считаться полувоенным, что касается остальных двух, то один из них настоящий солдат, в полном вооружении, а другой попадает в туза.

– Правильно, – сказал кавалерист, закручивая усы. – Неужели вы в туза попадаете? – удивленно осведомился он у Коломба.

– Если бы у вас было столько свободного времени, сколько у меня, – ответил, смеясь, Коломб, – вы научились бы убивать стрекозу в воздухе.

«Туп-туп-туп...» – стучали копыта. Движение во тьме, по извилистой, встряхивающей, неизвестной дороге принадлежало к числу любимых ощущений Коломба. Бесцельно и требовательно он отдавался ему, прислушиваясь к мрачному сну равнин. Вскоре начался лес. Переход от открытых мест к стиснутому деревьями пространству был замечен благодаря тьме лишь по неподвижности ставшего еще более сырым воздуха, запаху гнилых листьев и особенно отчетливому стуку колес, переезжающих огромные корни. Слева, загремев долгим эхом, раздался выстрел.

– Ото! – сказал, инстинктивно останавливая лошадь, Гильом.

Кавалерист привстал. Коломб и Брауль выхватили револьверы. Гильом опомнился, бешено размахивая кнутом, он пустил лошадь вскачь. Повозка, оглушительно тарахтя, ринулась под бойко застучавшими из тьмы выстрелами в дремучую глубину леса. Эхо стрельбы, раскатисто рвущее тишину, усиливало тревогу. Немногие восклицания, которыми успели обменяться путники, были скорее выражением чувств, чем мысли, так как перед лицом явной опасности думать не о чем, кроме спасения, а это, как без слов понимали все, зависело от тьмы и быстроты лошади. Коломбу чудились крики, свист пуль; одна из них, пущенная наугад вдоль дороги, действительно была им услышана; резкий короткий свист ее оборвался щелчком в попутный древесный ствол.

Повозка мчалась, немилосердно встряхивая пассажиров, выстрелы стихли, оборвались. Наступила пауза, в течение которой слышались лишь болезненное хрипение лошади и треск прыгающих колес. Затем, как бы заключая цепь впечатлений, грянул последний выстрел; слу-

чаю было угодно, чтобы на этот раз пуля достигла цели. Коломб, пробитый насквозь, подско-
чил, задохнувшись на мгновение от боли в прорванном легком, вскрикнул и сказал:

– Меня ударило. – Он опустился на руки Брауля. Гильом свернул в чащу леса и остановил
лошадь.

4

Коломбу много раз приходилось, конечно, задумываться над ощущениями раненого человека и даже описывать это в некоторых произведениях. Основой таких переживаний, – не будучи сам знаком с ними, – он считал самые тяжелые чувства: испуг, тоску, отчаяние, гнев на судьбу и т. д. Люди, стоящие перед лицом смерти, казались ему похожими друг на друга внутренней своей стороной. Затем он думал, что сознание смертельной опасности, возникающее у тяжело раненого – неисчерпаемо сложно, туманно, и тратил на уяснение подобного момента десятки страниц, не сомневаясь, что и сам пережил бы колоссальную психическую вибрацию. Меж тем лично с ним все произошло так.

За выстрелом последовал красноречивый, горячий толчок в спину. Немедленно же представление о пуле и ране соединилось с колющей, скоро прошедшей, болью внутри грудной клетки. Первая мысль была о смерти, то есть о неизвестном, и была поэтому собственно мыслью о предстоящей, быть может, в скором времени потере сознания, на что сознание ответило возмущением и недоумением. Весь момент напоминал ошибку в числе ступенек лестницы, когда сдержанное движение ноги встречает пустоту и человек, лишенный равновесия, – замирает, оглушенный падением, причина которого делается ясна раньше, чем руки падающего упрутся в землю.

К счастью путников, когда Гильом круто повернул с дороги в лес, повозка не зацепила колесами о стволы и пробила довольно далеко в глушь. Тряска лесной почвы была, однако же, нестерпимо мучительна для Коломба. Ветви били его по лицу, усиливая раздражение организма, взволнованного возобновившейся болью. Наконец лошадь дернулась взад-вперед и остановилась. Гильом, помогая Коломбу сойти, прислушивался к монотонной тишине ночи; ни топота, ни голосов не было слышно в стороне нападения. По всей вероятности, немецкий разъезд ограничился стрельбой наугад, по слуху, не зная, с кем, с каким числом людей имеет дело; или же, сбитый с толку беспорядочным лесным эхом, пустился в другом направлении. Теперь, когда окончательно смолк лошадиный топот и стук колес, путешественники могли спокойно заняться раненым.

Растерявшийся Брауль осветил фонарем Коломба, сидевшего прислонясь к дереву.

– Ну и разбойники, – сказал кавалерист, помогая корреспонденту снять куртку с Коломба.

От сломанного, выступающего концом наружу ребра сочилась темная кровь. Вся рубашка была в-пятнах. Несмотря на все, Коломб чувствовал своеобразное любопытство к своему положению. Вид мокрого темного передка рубашки страшно взволновал его, но не испугал. Волнение поддерживало его силы. Интеллект покуда молчал; организм, осваиваясь с необычным состоянием, противился действию разрушения; сердце жестоко билось, во рту было сухо и жарко.

– Однако, – сказал Коломб, – лучше бы нам сесть в повозку и ехать. – Он упирался руками в землю, желая подняться, и застонал. – Нет, не выйдет ничего. Но вы поезжайте.

– Глупо, – сказал Брауль, развертывая бинты. – Расставьте руки. – Он стал перевязывать раненого, говоря: – Все это моя затея. Что я скажу обществу и редакции? Вам очень больно?

– Боль глухая, когда я не шевелюсь.

– Поступим так, – сказал солдат. – Мы, – я и дядя Гильом, – мигом устроим носилки, дерева здесь много, – понесем вас потихонечку, господин Коломб. А вы, значит, потерпите пока. Гильом, есть веревка?

– Есть. Хватило бы повесить кой-кого из этих стрелков.

Гильом стал шарить в повозке, а кавалерист, захватив фонарь, отправился за жердями. Скоро послышался чавкающий стук его палаша. Брауль сделал Коломбу тугую, крестообраз-

ную повязку, заставил раненого лечь на разостланный плащ и сел рядом, вздыхая в ожидании носилок.

Не желая усиливать тягостное настроение спутников разговором о своем положении, Коломб молчал. Он знал уже, что рана сквозная, и, хотя это обстоятельство говорило в его пользу, – ждал смерти. Он не боялся ее, но ему было жалко и страшно покинуть жизнь такой, какой она была. Потрясение, нервность, торжественная тьма леса, внезапный переход тела от здоровья к страданию – придали его оценке собственной жизни ту непогрешимую суровую ясность, какая свойственна сильным характерам в трагические моменты. Несовершенства своей жизни он видел очень отчетливо. В сущности, он даже и не жил по-настоящему. Его воля, хотя и бессознательно, была всецело направлена к охранению своей индивидуальности. Он отвергал все, что не отвечало его наклонностям; в живом мире любви, страданий и преступлений, ошибок и воскресений он создал свой особый мир, враждебный другим людям, хотя этот его мир был тем же самым миром, что и у других, только пропущенным сквозь призму случайностей настроения, возведенных в закон. Его ошибки в сфере личных привязанностей граничили с преступлениями, ибо здесь, по присущей ему невнимательности, допускалось попираание чужой души, со всеми его тягостными последствиями, в виде обид, грусти и оскорбленности. В любви он напоминал человека, впотьмах шагающего по цветочным клумбам, но не считающего себя виновным, хотя мог бы осветить то, что требовало самого нежного и священного внимания. Это был магический круг, осиное гнездо души, полагающей истинную гордость в черствой замкнутости, а пороки – неизбежной тенью оригинального духа, хотя это были самые обыкновенные, мелкие пороки, общие почти всем, но извиняемые якобы двойственностью натуры. Его романы тщательно проводили идеи, в которые он не верил, но излагал их потому, что они были парадоксальны, как и все его существо, склонное к выгодным для себя преувеличениям.

Жизнь в том виде, в каком она представилась ему теперь, казалась нестерпимо, болезненно гадкой. Не смерть устрашала его, а невозможность, в случае смерти, излечить прошлое. «Я должен выздороветь, – сказал Коломб, – я должен, невозможно умирать так». Страстное желание выздороветь и жить иначе было в эти минуты преобладающим.

И тут же, с глубоким изумлением, с заглушающей муки души радостью, Коломб увидел, при полном освещении мысли то, что так тщетно искал для героини неоконченной повести. Не теряя времени, он приступил к аналогии. Она, как и он, ожидает смерти; как он, желает покинуть жизнь в несовершенном ее виде. Как он – она человек касты; ему заменила живую жизнь привычка жить воображением; ей – идеология разрушения; для обоих люди были материалом, а не целью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубийство.

– Наконец-то, – сказал Коломб вслух пораженному Браулю, – наконец-то я решил одну психологическую задачу – это относится, видите ли, к моей повести. В основу решения я положил свои собственные теперешние переживания. Поэтому-то она и не бросила снаряд, а даже помешала преступлению.

– Коломб, что с вами? Вы бредите? – испуганно вскричал Брауль.

Коломб не ответил. Он погрузился в беспамятство – следствие волнения и потери крови.

– Носилки готовы, – сказал, волоча грубое сооружение, кавалерист. – Ну, в путь, да и поможет нам бог!

Коломб остался жив, и ему не только для повести, но и для него самого очень были полезны те размышления, в которых, ожидая смерти, он провел всего, может быть, с полчаса. Но и вся жизнь человеческая коротка, а полчаса, описанные выше, стоят иногда целой жизни.